МАТЕРИАЛЫ, ДОКУМЕНТЫ, ПУБЛИКАЦИИ

И.А. Сурнина, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы и журналистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: isurnina1983@mail.ru

К 205-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф.В. ЧИЖОВА (письмо Ф.В. Чижова В.С. Печерину от 1 ноября 1870 года)

От публикатора

В 2016 году исполнится 205 лет со дня рождения Федора Васильевича Чижова[1] — широко образованного человека, обладавшего глубокими научными знаниями, твердой волей и целеустремленностью.

Именно благодаря силе воли, спокойствию и хладнокровию духа Чижов освоил такие полярные виды деятельности, как математика и изобразительное искусство, шелководство и строительство железных дорог. Будучи натурой, стремящейся к постоянному совершенствованию, Чижов, не страшась, изучал новое, неведомое ему дело, доводя его до совершенства. «...это был муж вечной духовной мысли и высших нравственных идеалов, которые он не покидал ни в каких работах по осуществлению своих затей, и каждую из них одухотворял своею нравственною стихиею, высшею идеальною целью, без которой немыслимо было для него никакое дело», — писал о Чижове его секретарь Аркадий Сергеевич Чероков[2]. Получив нужный результат, Чижов брался за новую деятельность с неменьшей самоотдачей. Так было и с историей изобразительных искусств (написав ряд статей, стал членом Российской Императорской Академии художеств), и с шелководством (его книга «Письма о шелководстве» удостоилась медали от Московского общества сельского хозяйства).

В истории русской журналистики Чижов занял выдающееся место как редактор деловых изданий — журнала «Вестник промышленности» (1858–1861) и газеты «Акционер» (1860–1863). Будучи свидетелем «весьма печального положения всей русской промышленности, отовсюду угнетенной и беспомощной, сильно придавленной администрацией и иноземщиной»[3], Чижов понял на рубеже 1850–1860-х годов, что настало время, когда отечественную промышленность нужно защитить от иностранного капитала и сделать это возможно с помощью деловой прессы.

Судьба Чижова переплетается с такими именами, как Александр Андреевич Иванов, Николай Васильевич Гоголь, Николай Михайлович Языков, Григорий Павлович Галаган, Владимир Сергеевич Печерин, Иван Сергеевич Аксаков, Александр Иванович Кошелев и многие другие. В жизни большинства из них Чижов сыграл значительную роль. Со многими из них, встретившись однажды, он не прерывал отношений до самой смерти.

[1] Ф.В. Чижов родился 27 февраля (11 марта) 1811 г. в Костроме.

[2] *Чероков А.С.* Ф.В. Чижов и его связи с Н.В. Гоголем. М., 1902. С. 5.

[3] Там же. С. 29.

На данный момент издана лишь часть переписки Чижова (с Н.М. Языковым, А.А. Ивановым, Н.В. Гоголем, А.В. Никитенко). До сих пор не опубликован дневник Чижова, который он вел с 1825 г. до самого последнего дня своей жизни (14 ноября 1877 года), в печати появился только его фрагмент за 1845 г., когда Чижов путешествовал по славянским землям[4].

Публикуемое нами письмо Чижова к его лучшему другу Печерину, написанное в конце 1870 года, содержит массу интересных фактов XIX в.: оценка деятельности В.Г. Белинского, П.И. Бартенева, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого и многое другое.

Письмо Ф.В. Чижова В.С. Печерину от 1 ноября 1870 года. Москва

Ну, брат Печерин, ты решительно обленился, так что я даже и сожалею, зачем послал тебе воспоминание твоей молодости[1]. Как тебе не совестно оставить меня в Мече[2], откуда тебя хотели выпроводить с жандармами; в этом проклятом Мече, в котором подлый Бизенг успел показать всю мудрость и подлость наполеоновского времени. С тех пор как ты меня засадил туда следить за твоею бродяжнической жизнью, — его успели осадить, успели сдать, а я все жду и жду, пока ты оттуда выйдешь. Твои письма, особенно первые и вторые, полны занимательности, но только для меня, сочувствующего тебе вот уже 40 лет[3], часто прерывавшего с тобою письменные сношения, но никогда не разрывавшего нашей внутренней связи[4]. Дело не в твоем бессмертии, и в том, что ты, прожив независимо так ли сяк ли, но собственными твоими силами, без помощи подличанья, прислуживанья и тому подобных атрибутов служебной деятельности.

Я шел иным путем, но <1 нрзб> с тобою в независимости, ибо тоже весь свой век жил просто работою. Как я завоевал себе общественное значение — сам не знаю — знаю одно, что ни разу ни на шаг не сделал уступки. Бывши редактором журнала[5] уступал не из личных видов, а единственно, чтобы служить правде; но и там спасала меня специальность моего журнала — финансовая часть. Наперед тебе скажу, что когда ты в отношении меня сделаешься порядочным человеком, передашь мне твою жизнь изо дня в день, а передать есть что, тогда я тебя вряд ли отдам Бартеневу[6], а приведу все в порядок и дам такому журналу, который был бы читаем молодежью. Чтобы заставить тебя писать, я буду с тобою поступать следующим образом: напишешь ты мне много и я буду доволен, пришлю тебе несколько книг, например, часть изданий Тургенева и поновее какую-нибудь книжоночку. Не знаю, было ли бы тебе приятно иметь «Иезуита в России», написанную священником Морошкиным[7], не кончившим своего труда и отправившегося на тот свет. Пришлю тебе «Войну и мир» Толстого, одним словом, буду поступать с тобою точь-в-точь, как поступали в конторе, где ты служил до поступления в университет и где, помнится мне, тебя оставляли иногда без сапог[8]. Если бы я мог, то прибегнул бы и не к таким решительным мерам, но увы! Далеко, — а решительно не пустил бы тебя в ботанический сад.

Ты мне напомнил 19 февраля[9], — не то ли, которое ты оставил у меня в стихах, впрочем веселее юных:

---

[4] *Козьменко И.В.* Дневник Ф.В. Чижова «Путешествие по славянским землям» как источник // Славянский архив. М., 1958.

Напрасно буду ждать отрадной встречи
В кадрили, средь гармонии живой,
И долго не слыхать мне русской речи
Из уст пурпурных девы молодой!

И от кого привет услышу милый?
Кто спросит: «Любите ли танцы вы?»
Окончив бал, кому скажу унылый:
«Вы едете? Всё кончено, увы!»

Ну, можешь ли ты иметь лучшего архивариуса? Досадно мне, что как-то у меня утратились твои письма из Бельгии и, именно из Льежа, когда ты вдруг перескочил из тогдашнего франкмасонства[10] в католичество.

Пожалуйста, когда допишешь до того, как я был у тебя, кажется, в Виттеме[11], передай, как ты тогда смотрел на мою к тебе свирепость. Ты перешел сквозь все подземные ходы, в которых ковалась современная <1 нрзб> жизнь тогдашней Европы, — коммунизм только что выступил на свет, если только не поленишься поуглубиться в твою память, в ней найдется в простом рассказе бездна поучительного и объясняющего современность. Чем меньше притязания рассказать ее, тем более явится в искреннем подробном описании твоей жизни.

Надобно было бы тебе послать всего Белинского, молодого писателя начала сороковых годов, — ему много обязана русская мысль своим пробуждением. Он был крайней левой стороны, страшно широко разглагольствовал, но он первый громко восстал против немого подчинения авторитетному. Все это будет наградою твоею честного исполнения молчаливого обещания.

Ты не знаком с семейной хроникой старика Аксакова[12], отца Ивана Сергеича. Ты не знаешь бывшей «Русской беседы»[13], все это надобно будет тебе переслать. Отчего это ты не слова не сказал ни о «Тарасе Бульбе», ни о «Старосветских помещиках», ни о «Мертвых душах» Гоголя.

Токвиля я читал еще в тридцатых годах[14], кажется скоро после того, как он вышел в свет. Помнишь ли ты, как он на последней строчке пророчил великую будущность России и Соединенным Штатам?

Пришли, если тебе не хочется оставлять у себя последнее письмо Жорж Занд[15]: я никогда ей не поклонялся, но любил ее во время полной силы ее таланта. Бартеневу оно не к руке, потому что у него печатается только то, что говорит об России. Между нами Бартенев решительный крахобор; но ему честь и хвала за то, что он со страшной усидчивостью начал собирать все, относящееся к прежней России. Правда, что ему предшествовали «Чтения истории древностей России» Бодянского[16]. Но Бартенев оживил свое издание анекдотами, передачею сплетней, особенно екатерининского времени, и заставил таким образом читать если не древность, то хоть старину. Теперь выходит и другой журнал в этом роде в Петербурге — «Русская старина»[17]. Он тоже наполняется более XVIII столетием, — вот тебе, чтобы дать о нем понятие, оглавление октябрьской книжки: 1. Записки сенатора Рунича о Пугачевском бунте 1774 г. 2. Записка М. И. Глинки (музыканта, автора оперы «Жизнь за царя») 1804–1854. 3. Письма и заметки. В приложении Записки Болотова 1738–1794. Приложен портрет Пугачева. Представь себе, как занимает <теперь> у нас все русское, — все экземпляры «Русской старины» закончились и печатается второе издание, а между тем это журнал не ахти! (подчеркнуто Чижовым).

В последней книжке «Вестника Европы»[18] нового журнала, т. е. существующего уже пятый год, помещена повесть Тургенева «Степной король Лир»[19], — виден художник опытный, но пишущий уже на заказ.

Я расписался к тебе сегодня потому, что сильные страдания моей болезни (что то ли <годы> каменной болезни) заставили меня просидеть дома.

Напиши мне, пожалуйста, какое лучшее сочинения, в котором можно было бы познакомиться с верованиями Востока. Твой <пресловутый> Buckle больше блестящ и увлекателен[20] для таких впечатлительных натур, каков <1 нрзб> — его факты часто страшно натянуты, а часто и вовсе не нужны. Напр., он приписывает фанатизм и суеверия Испании — множеству землетрясений, а оказывается, что их там было едва ли не в 10 раз меньше, чем в Греции. Ну да ты с чем в колыбельку, с тем и в могилку, ты так и останешься поклонником блеска. У нас есть два перевода <1 нрзб>. Напиши, поможешь ли ты по твоим сношениям с книжным миром собрать мне все, что есть в Англии о палатах торговой и мануфактурной[21], вообще о том под чьею защитою, — частию ли общества или палат живет и там торговля и промышленность. Если бы ты мог мне это сделать, я тотчас же выслал бы и денег сколько нужно. Хорошо бы и всю историю всех таких учреждений.

Твой Чижов.

РГБ. Ф. 332. К. 10. Ед. хр. 50. Л. 4 — 6 об.

Примечания публикатора

[1] ...сожалею, за чем послал тебе воспоминание твоей молодости. — Ф.В. Чижов хлопотал об опубликовании мемуаров В.С. Печерина. Видимо, ранее Печерин выслал ему записки о воспоминаниях своей молодости.

[2] Как тебе не совестно оставить меня в Меце... — Вероятно, речь идет о одной из глав биографических «Замогильных записок» В.С. Печерина — «Путешествие в Мец и следующие за тем события». Ф.В. Чижов, занимавшийся изданием мемуаров своего лучшего друга, с нетерпением ждал от него писем с подробным изложением главных событий его жизни и поторапливал Печерина, чтобы тот как можно быстрее высылал ему мемуарные отрывки. Мец — в XIX веке административный центр департамента Мозель во Франции, сегодня — столица французского региона под названием Лотарингия.

[3] ...сочувствующего тебе вот уже 40 лет... — В.С. Печерин уехал из России в июне 1836 года.

[4] ...но никогда не разрывавшего нашей внутренней связи. — В середине 1840-х годов, после нескольких личных встреч, Чижов был вынужден прекратить переписку с лучшим другом, убедившись, что их воззрения слишком расходятся: в 1840 г. Печерин вступил в проповеднический орден редемптористов, отличавшийся крайним аскетизмом и подвижничеством. Чижов тщетно пытался убедить друга вернуться на родину. В то время Чижов уже вошел в славянофильское содружество, которое Печерин не одобрял.

[5] Бывши редактором журнала... — Имеется в виду журнал «Вестник промышленности» (1858–1862), редактором которого был Ф.В. Чижов. С 1860 г. к нему присоединился политэконом И.К. Бабст.

[6] ... я тебя вряд ли отдам Бартеневу... — Имеется в виду П.И. Бартенев — издатель историко-литературного журнала «Русский архив». Журнал содержал преимущественно публикации неизданных мемуарных, эпистолярных, литературно-художественных и ведомственных документальных материалов, освещавших культурную и политическую историю России в XVIII и XIX вв. Именно в этом журнале Ф.В. Чижов изначально планировал издать мемуары В.С. Печерина.

[7] ...было ли бы тебе приятно иметь «Иезуита в России», написанную священником Морошкиным... — Морошкин Михаил Яковлевич (1820–1870) — писатель и